О Мартине Бубере

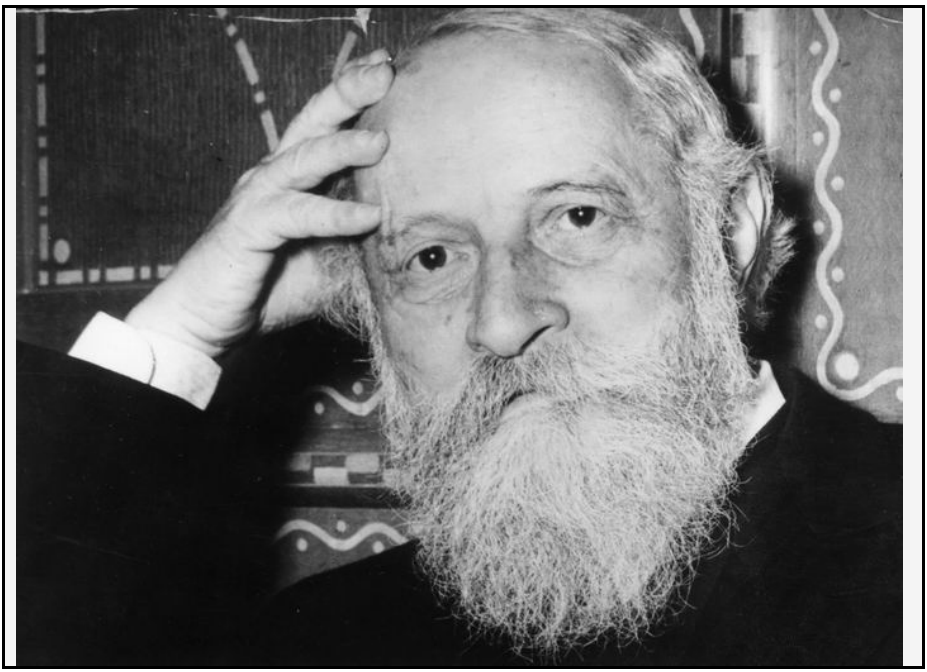
Шмуэль-Йосеф Агнон

SHOUT
SHARE
IT

-
- Мои воспоминания о Бубере
- О Бубере
- Тем, кто должен познакомиться с Мартином Бубером и все еще не знаком с ним
- История об одном деянии, или хасидская байка
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

Шмуэль-Йосеф Агнон

О Мартине Бубере



Перевод с иврита и комментарии - Зои Копельман

Израильский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Шмуэль Йосеф Агнон (1888, Бучач, Восточная Галиция – 1970, Израиль) познакомился с Мартином Бубером в Германии, куда в 1913 году приехал из Страны Израиля учиться и

завоевывать свое место на литературном небосклоне. Еще раньше, в Стране Израиля определились литературные интересы Агнона как современного автора, обильно черпающего из сокровищницы еврейских религиозных книг, в том числе хасидских. Как известно, дед Бубера, Шломо Бубер (1827-1906), религиозный еврей и ученый, занимавшийся текстологией мидраша, тоже был родом из Восточной Галиции, а в зрелом возрасте проживал в Лемберге (Львове). Увлеченность хасидизмом и сходные биографические истоки – Мартин Бубер в детстве подолгу живал у деда – сблизили Агнона и Бубера, и после Первой мировой войны они вместе работали над книгой хасидских историй под условным названием Corpus Hassidicum, рукопись которой сгорела в июне 1924 года, когда в доме Агнона вспыхнул пожар. В том же году Агнон переехал в Страну Израиля, тогда как Бубер прибыл туда лишь в 1938 году. Оба они жили в Иерусалиме, но если Бубер уверенно шел по академическому пути и стал профессором в Еврейском университете в Иерусалиме, то Агнон к тому времени сделался одним из ведущих еврейских прозаиков. Несмотря на различие поприщ и взглядов на многие вопросы современной им истории еврейского народа, эти двое великих пристально следили за деятельностью друг друга и участвовали в обоюдных юбилейных чествованиях.

Предлагаемые ниже три выступления Агнона в печати посвящены Мартину Буберу в разные периоды его жизни, а итог им подводят мемуарные заметки писателя. Все эти материалы, написанные на иврите, публикуются на русском языке впервые.

Мои воспоминания о Бубере

Я делю свои воспоминания о Бубере на две части. В одной расскажу о Бубере, которого я еще лично не знал, в другой – о Бубере, с которым общался лицом к лицу. Как заведено у мемуаристов, так и я поступлю и расскажу о том, что говорил Бубер и что говорили о нем другие. И несмотря на то, что я пишу воспоминания, не стану утруждать вас рассказами о самом себе, разве только для большей ясности понадобится припомнить и мое имя.

Имя «Бубер» я услышал еще в юности. Староста главного дома учения в Бучаче купил у заезжего из другой страны книгопродавца мидраш «Шохер тов». Книга эта предназначалась для дома учения, но староста благоволил ко мне и дал мне ее на время, пока не появится переплетчик и не переплетет ее наново. С радостью и душевным трепетом я взял незнакомый мне дотоле мидраш и поспешил домой, где встал у окна и погрузился в чтение. То были псалмы с пояснениями, преданиям и притчами, псалом – и мидраш к нему, псалом – и мидраш. Когда я дошел до псалма «У рек вавилонских...», встали вдруг пред моими глазами левиты, повесившие на ивах свои арфы, когда злодей Навуходоносор потребовал от них спеть ему песни Сиона. Я увидел, как они протягивают вперед руки – пусть лучше им отрубят пальцы, только б не петь сионских песен на земле чужой. Зашел ко мне приятель, увидел, что глаза мои залиты слезами, и сколько я ни утираю их, они льются вновь и вновь. Взял у меня книгу, поглядел на титул и прочел вслух имя Шломо Бубера, напечатавшего этот мидраш. А потом сказал мне буквально так: Рабби Шломо Бубер усыпляет нас старыми мидрашами, но зато его сын Марчин Бубер (он произнес Марчин, как принято в Польше) пробуждает нас новыми словами. И не долго думая, мой товарищ принялся с жаром пересказывать мне те новые слова, что прочел недавно в одной из статей Бубера, переведенной на польский язык. Но печаль, охватившая меня из сострадания к левитам у рек Вавилонских, помешала мне вникнуть в содержание той статьи.

Вскоре после того случая мой сосед, покойный Хаим Готфрид, большой человек, мудрец и знаток, сказал мне: Идем, покажу тебе нечто новенькое. Протянул мне газету, как кажется «Ди цайт», а там история, приключившаяся в еврейской общине Никельсбурга, о том, как каббалист изгонял дибука из тела девушки. А возможно, то была история о том, как рабби Йоэль

баал Шем изгонял стадо бесов, облюбовавших подвал некоего еврея. То, о чем я сейчас пишу, случилось пятьдесят пять лет назад, и не удивительно, что я могу перепутать истории. Зато я отчетливо помню, как веселился рабби Хаим Готфрид. А позабавил этого ученого мужа тот факт, что то, над чем насмехаются в Бучаче, всерьез печатают в Вене, в столичной газете, да не просто печатают, а за подписью доктора Мартина Бубера, молодого ученого, проживающего в Берлине.

Не прошло и года, как я сделался завсегдатаем палестинофильского общества нашего города. Как-то раз попалась мне в руки брошюра, которую выпустил Мартин Бубер с двумя товарищами – Хаимом Вейцманом[1] и Бертольдом Файвелом[2], а в той брошюре предложение основать в Иерусалиме университет. Должен признаться, я многому готов поверить, и тем более это верно было в дни моей юности, однако мне легче было представить себе, что я сижу и учу Тору из уст Машиаха, чем вообразить, что в Иерусалиме есть еврейский университет. Чтобы лучше понять, как далека была идея еврейского университета в Иерусалиме от жителей нашего города, расскажу о незначительном происшествии, случившемся десятью годами позже, в те дни, когда я скорбел о кончине моего благословенной памяти отца. Пришли меня утешать знатные евреи Бучача. А было это после того, как я вернулся из Страны Израиля. Сказал мне один талмудист: Слыхал я, в Яффе есть ивритская гимназия, да не могу себе представить, какова она. Положим, историю на иврите преподавать можно, поскольку Кальман Шульман[3] уже изложил нам на иврите историю мира. Но другие-то науки – как же?

И еще несколько раз приходилось мне встречать имя Бубера. В журнале «Вельт», где он был первым редактором, и в журнале «Ост унд вест», и среди первых опытов молодежи в журнале «Еврей». И фотографию его я видел в сборнике сионистских статей. Я не любитель читать статьи, оттого и тот сборник не читал тоже. Признаюсь честно, статьи, что я прочел за всю свою жизнь, малышка колибри легко унесет на своих крыльях. Но из опасения, как бы не увлечься рассказом о самом себе, позабыв о Бубере, я перейду теперь ко второй части.

Около шести лет прожил я в Стране Израиля и уехал оттуда в Берлин. Будучи в Берлине, я неоднократно слышал имя Бубера, а порою – рядом со своим именем. Как дело было? Когда я рассказывал что-нибудь о хасидах или приводил хасидское изречение, кто-нибудь из присутствующих замечал: Жаль, Бубер вас не слышит.

Как-то раз, накануне зимы я поехал к Буберу в Целендорф, по

соседству с Берлином. Кто-то, Шломо Шиллер[4] или Рабби Биньямин[5] или Яаков Тахон[6], написал мне для Бубера рекомендацию.

Приехал я к Буберу. Служанка, едва говорившая по-немецки, провела меня в полутемную комнату. Картины, развешанные на стенах, и книги, поблескивавшие сквозь стекла шкафов, словно играли со мной в прятки. Но я думал о хозяине этого дома и не размышлял ни о доме, ни о его содержимом. Тем не менее мне показалось, что все вещи в этом доме к месту и на месте, и я, прибывший сюда с кратким визитом, тоже оказался к месту.

Вскоре появился хозяин. Ростом чуть ниже среднего, с аккуратной бородкой и складно одетый. Если б он не вышел с непокрытой головой, я сказал бы, что уже встречал его в Иерусалиме, у Западной Стены. Он приветливо глянул на меня и спросил, как меня зовут, потому что служанка назвала меня не Агноном, а Аароном. Услышав, кто я, он стал еще приветливее и сказал, что днем раньше был у него... великий еврейский писатель, проживавший в Берлине, и особо хвалил ему мой рассказ «И стала кривизна прямизною». Мне было приятно снова услышать о похвале того писателя, особенно потому, что он уже хвалил меня в письме к рабби Биньямину.

Я собирался рассказать Буберу хасидские истории, но до этого дело не дошло. Поскольку я приехал из Страны Израиля, он начал расспрашивать меня о Стране Израиля. А коль скоро вспомнили при мне о Стране Израиля, я начал говорить и не мог остановиться. Из замечаний Бубера я понял, как дорога и близка была ему та страна и как много он знал о ней, хотя не бывал там. Среди прочего, он сказал мне, что две вещи удерживают его от переезда в Страну Израиля: первая, что там нет музеев изобразительного искусства, а вторая, что там всякий может явиться к тебе в дом без предупреждения.

По прошествии месяца или двух прибыл в Берлин Рабби Биньямин, кажется, по поручению сионистской организации. Бубер относился к Рабби Биньямину с большой симпатией, как и многие берлинские сионисты. В один из дней Рабби Биньямин пригласил меня вместе с ним навестить Бубера. С тех пор Бубер сам меня приглашал, и я сделался постоянным гостем в его доме.

Вижу я, что одно цепляется за другое, и воспоминания мои расплываются. Поэтому постараюсь покороче и расскажу лишь о двух вещах, о хасидских историях и о языке.

Как я уже много раз сказывал, стоило мне заговорить о хасидах и рассказать какую-нибудь хасидскую байку, тотчас кто-нибудь говорил: Жаль, Бубер вас не слышит. Однажды, будучи у Бубера и беседуя с ним о хасидизме, я рассказал ему хасидскую

историю. Когда я закончил рассказ, Бубер достал тетрадку, заглянул в нее, тут же взял непереплетенную еще книгу и показал мне мой рассказ в напечатанном виде. И так было с большинством историй, которые я ему рассказывал. Однако мне все-таки немножко посчастливилось, потому что не все стороны хасидского учения и не все истории, рассказанные мною, были ему известны, либо он знал их, но в несколько ином виде. А Бубер записывал все хасидские истории, и во всех вариантах. Мне же это было в диковинку: и порядка такого я не знал, и вдруг увидел множество томов с хасидскими историями, записанными одним человеком. До того времени мне не приводилось видеть хасидские истории в печатных сборниках, я привык узнавать их со слов рассказчика. Только про хасидское учение я читал в книгах.

А теперь о языке. Бубер пригласил меня заниматься с его сыном ивритом. Когда мы обсуждали с ним, каким учебником воспользоваться, Бубер сказал: Я не прошу, чтобы мой сын знал, как на иврите «кофе», я прошу, чтобы он знал все слова Священного Писания и их значения. Признаться, речь его меня удивила. Мы, жители Страны Израиля, всякий день изобретаем новые слова, чтобы обозначить все материальное, а он отказывается от этого ради языка Торы, пророков и прочих библейских книг. Мы, жители Страны Израиля, вот-вот позабудем, что есть Тора и вообще Писание, а ему важны именно значения библейских слов.

Поскольку я не собираюсь писать книгу изречений Бубера, пропущу несколько лет и остановлюсь на том периоде, когда я особенно с ним сблизился, когда мы вместе собирались упорядочить все хасидские истории и распределить их по частям. Напомню, что первая часть – истории Бешта – уже была составлена и готова к печати, и выпустить ее собиралось издательство «Двир»[7], но в моем доме в Бад-Гомбурге разразился пожар, и эта книга сгорела вместе со всем, что мною написано, включая роман-трилогию «Среди живых», о выходе в свет которого успел известить читателей журнал «Ѓа-ткуфа», том 4.

Как-то раз Бубер оказался в Бад-Гомбурге. Ахад Ѓа-Ам[8] и Бялик захотели его повидать. Оттого и получилось, что в закатный час сидели на балконе моей квартиры, лицом к заросшему деревьями саду, три вождя поколения и обсуждали дела нации. Зашла речь о Декларации Бальфура[9]. Ахад Ѓа-Ам сказал: Если упустят момент, другая такая возможность не представится, ибо все сроки прошли, и это – последний шанс на Избавление. Содрогнулся Бубер и сказал: Я представляю себе Избавление народа Израиля иначе. Опустил Ахад Ѓа-Ам голову на

грудь и умолк, и легчайшая улыбка тронула его лицо при мысли об этом разумнике, романтические мечты которого лишают его здравого смысла.

В другой раз навестили меня в Иерусалиме Ахад Ґа-Ам и Бялик. За беседой я рассказал им, что Бубер назначен профессором в университете Франкфурта. Бялик пожал плечами, как человек, у которого подобное назначение вызывает сомнение. А Ахад Ґа-Ам сказал: Вижу я, что ты недоволен. Был бы назначен такой-то, стал бы читать лекции об ивритской филологии, был бы назначен сякой-то, стал бы читать о другом в том же роде. Но Бубер, поверь мне, человек ответственный, он свою роль исполнит лучше, чем кто-либо другой из еврейских ученых.

Я стар годами и многих людей знавал на своем веку. Мудрецов, и литераторов, и всевозможных деятелей. Но кажется мне, что никто из них не был столь благожелательным, как Бубер. Он в любую минуту готов был помочь стоящему человеку. Этой душевной щедростью он привлекал к себе молодежь, в которой видел задатки таланта.

А вот и пример. Приехал к нам молодой лектор из западной страны и не нашлось никого, кто бы ему посодействовал. Его оттеснили, и он упал. Когда об этом рассказали в присутствии Бубера, тот сказал: В другом обществе о таком человеке постарались бы позаботиться с самого начала и не дали бы ему упасть, а упал бы – поспешили его поддержать, чтоб поскорее поднялся снова.

Коль скоро я упоминал об Ахад Ґа-Аме, добавлю, что Ахад Ґа-Ам высоко ценил Бубера. Среди наших ивритских литераторов Ахад Ґа-Ам был, пожалуй, единственным, кто понимал величие Бубера. Когда я перебираю в памяти свои беседы с пишущими на иврите, складывается впечатление, что они не разглядели исходившего от Бубера света, не удосужились глубже вникнуть в его слова. Слишком близко от них находился Бубер, слишком был велик, чтобы обозреть его, чтобы понять его своеобразие и оригинальность. Им казалось, что главная его особенность заключается в том, что он пишет по-немецки.

Среди литераторов назову Моше Гликсона[10], который признавался мне, что жаждет перевести на иврит книгу Бубера «Царство небесное», да не может найти издателя. Нашел бы, была бы у нас на иврите эта книга.

Бялик высоко ставил Нордау[11]. Он видел в нем далекого брата, ставшего нам ближе, когда он прославился благодаря своим чуждым нам по языку и культуре произведениям. Но Бубера, который прославился у нас благодаря еврейскому содержанию своих книг, особенно о хасидах, Бялик не понял и по

достоинству не оценил.

Покойный Аарон Элиасберг, друживший с Бубером еще с юности, сказал мне: Встречали вы другого такого человека, который как Бубер, готов длить беседу с неистощимой энергией? Он рассказывал мне, что Бубер способен ночь напролет просидеть с друзьями или противниками и обсуждать с ними вопросы духовного содержания, а утром и днем как ни в чем не бывало выполнять свою работу, тогда как остальные либо спали, как убитые, либо сомнамбулически передвигались в пространстве.

Да, Бубер был редким собеседником. Боюсь, в новом поколении не найдешь собеседника, подобного Буберу. Собеседника, умеющего говорить и умеющего слушать.

Рукопись из архива Агнона. Опубликована в томе его наследия «От себя к себе»

О Бубере
К 50-летию Бубера

Уподоблю Мартина Бубера тем дорогим моему сердцу евреям, что открывают заезжий двор вдали от еврейских городишек, чтоб если случится кому-то из сынов Израилевых забрести неведомо куда, нашел бы себе кров и утолил голод кошерной пищей. Так и Мартин Бубер – он пишет на чужом языке, но насыщает страждущую душу чистой еврейской мыслью.

Говорят, мол, у Бубера новый хасидизм. Нет, вовсе это не новейшая выдумка, просто хасидизм наполняет сердце Бубера всякий день новой радостью.

Пусть он – учитель, но преклоняет ухо, вслушиваясь в хасидские побасенки, словно ученик.

А как часто Бубер проникает в такие тайны мысли, которые были неведомы и высказавшим ее.

А как часто его собственные мысли выражены с такою простотою, словно он сам из первых хасидских учителей.

Бывает, возьмет Бубер нечто малое и возвеличит его, и возвысит на недосягаемую высоту. Так возвысил он беседы хасидов и поставил в один ряд с легендами народов мира.

Газета «Давар», 10.02.1928.

Тем, кто должен познакомиться с Мартином Бубером и все еще не знаком с ним
К 80-летию Бубера

1

Много раз я хотел написать о Мартине Бубере, и не ради того, чтобы выказать свое к нему уважение, но ради тех, кто должен бы знать, кто такой Мартин Бубер, и все еще не знаком с ним. А почему следует знать о Мартине Бубере? Потому что Бубер – учитель многих и наставник избранных. Он учит нас на письме и изустно, в компании друзей и в большом собрании слушателей, и в беседе один на один. Не было в нашем поколении в Германии человека, оказавшего бóльшее влияние на сионистски настроенную молодежь, чем Мартин Бубер. И пусть иные отдалились от него – воспринятое от Бубера учение определяло многие их поступки. Сегодня, когда Мартину Буберу исполнилось 80 лет, попробую и я совершить поступок. Удастся ли мне воплотить задуманное – боюсь, не вполне. Как бы то ни было, я пишу о том, что задумал, хоть обрывочно, но и связно, порою внятно, а порой намеком.

2

Бубер родился в межвременье. Между еврейским просветительством и национальным возрождением. Возрождением еврейства и возрождением всего человечества.

Его колыбель стояла на чужой земле, но над ней уже звучали песни Сиона. Мужание его духа совпало с мужанием сионизма.

Бубер был еще очень молод, когда принялся за дело. Мы находим его статьи в давно позабытых и исчезнувших журналах, которые когда-то читались с волнением и надеждой. Не было важного вопроса современности, который прошел бы мимо него. Иногда он очерчивал такой вопрос глубже и значительнее, иногда предлагал свой ответ. Случалось, что глубина велика, а ответ скромен. Но никогда его ответы не препятствовали деяниям. Ведь задача разъяснения – наставление, а деяние – цель наставления. Бубер – человек мысли, привыкший к действиям. Он не чурается дела, приводящего к размышлениям, и мыслей, зовущих к действию.

3

Я упомянул тут о возрождении еврейства, напомню и о его стремлениях.

Эти сокровенные стремления к возрождению, становлению и провиденциальному Избавлению Бубер выразил в благородных и возвышенных духовных категориях философии и тем позволил нам ходить с гордо поднятой головой и свысока взирать на тех евреев, которые заявляли, будто миссия еврейства себя исчерпала, и на тех иноверцев, которые утверждали, будто Израиль утратил последнюю свою надежду. Вы скажете, что стремления требуют действия и свершений, а если так, что толку в философских категориях, пусть и самых возвышенных? Но таковы уж все стремления, что пока они не воплотились, милы нам и греют душу, а при воплощении что-то в них портится и нарушается и порой даже приводит к горьким последствиям. В том-то и проявилась великая заслуга Бубера, что он исследовал устремления прежде, чем они обернулись действием, и исследовал такие деяния, что не посрамили самих себя.

4

Бубер взрастал под сенью возрождения Израиля, которое не вторгалось в пределы мировых чаяний, вроде космополитизма. Однако обе эти сферы подпитывали друг друга. Идея гражданина мира не имела общего с политикой, она понималась как неизменная гармония между нацией и личностью, меж народом и человечеством. В те годы, когда мужала душа Бубера, люди еще не изверились в прогрессе на благо всего человечества, в усовершенствовании мира и тому подобных идеях. Эту веру Бубер унаследовал от просветителей, и идеалы Просвещения много способствовали формированию его души.

Щедро оделило Бубера еврейское просветительство. Иные из этих щедрот себя исчерпали, а иные по нашему постыдному нерадению вот-вот канут в небытие. Потомки наши, что придут вслед за нами, будут рассказывать о них как о преданьях старины. Бубер, возможно, – один из немногих, кто и ныне верен идеалам Просвещения, ведь этот мудрец порой наивен, как семеро младенцев.

5

В этой главке остановлюсь подробнее на сказанном выше, на просвещении.

На просвещение Бубера повлияли все премудрости человечества. Китай и Египет, Индия и древние цивилизации, и народы, о которых я даже не имею представления, обогатили его знанием. К сему добавилось западноевропейское образование и наследие еврейских поколений, и все это переплавилось в тигле его мысли и выплавило его собственный стиль мышления.

Его стиль был отличен от стиля поколения. Его высказывания и идеи не повторяли того, чем жили его современники. И потому

он должен был самостоятельно выпестовать свой новый стиль и найти свои новые слова и словосочетания, которые нередко бесили наших евреев, ревниво следящих за чистотой немецкой речи, как если бы эта чистота осквернилась его нововведениями. Но и нас сердило его словотворчество, хоть и по другой причине. Уж слишком многие немецкие нечестивцы уснащали ими свои выступления. И когда злодей Геббельс хотел восславить злодея Гитлера, он величал его «Kunder», тем самым словом, которым Бубер назвал библейских пророков, когда вместе с Францем Розенцвейгом[12] переводил на немецкий Священное Писание.

6

Из любви к Священному Писанию я припомню здесь то, что написал Буберу по получении его перевода Книги Бытия, перевода, который одновременно был и толкованием.

Тогда я написал ему примерно так: всякое поколение, не истолковавшее Тору, словно было обделено и Тору не получало. А вот что я добавлю теперь: первый перевод Писания на чужой язык – перевод семидесяти толковников, называемый Септуагинта[13], был сделан в начале нашего Изгнания, а последний перевод Розенцвейга и Бубера сделан в начале нашего Избавления.

Страшно Изгнание, во всех поколениях и во всех языках порабощающее народ Израиля переводами. Благословенна Тора, озаряющая жизнь Израиля во всех изгнаниях и на всех наречиях.

7

Язык и слова нуждаются в форме. Придашь им форму, они живут, не придашь им форму, они, считай, мертвы. Бубер – умелый формотворец. Что бы он ни писал, все облекал в ласкающие душу формы. Из вящей приязни к форме, Бубер нередко позволял ей господствовать над материалом; бывает, формы много, да с материалом скудно, а то форма искусна, да материал простоват. И поскольку я пишу эти слова на берегу моря, в Ашкелоне, поясню примером, внятным морю. Мило нам глядеть на красивую морскую раковину, но не хотелось бы обнаружить в ней живого трепещущего моллюска.

8

Я кончил прежнюю главку притчею, притчею и начну. Однако прежде приведу слова Ахад Ґа-Ама из его статьи «Духовное возрождение»:

«Со стыдом приходится признать, что если мы захотим найти хотя бы отголосок подлинно еврейской литературы нашего времени, нам следует обратиться к хасидским книгам, где наряду с тем, что не стоит и гроша, найдется немало глубоких суждений, отмеченных печатью истинно еврейской неповторимости; их там наберется во сто крат больше, чем во всей литературе нашего

Просвещения».

А теперь расскажу мою притчу. Чудная жемчужина затерялась в куче отбросов. Люди проходили мимо, люди ее топтали. Шел мимо Бубер и ее заметил. Склонился долу и поднял, и очистил от грязи, пока не засиял ее блеск во всей красе. А коль скоро засияла жемчужина дивным блеском, утвердили ее в венце поэзии. Жемчужина – это хасидизм. Отбросы – это небрежение, которым пытались перечеркнуть хасидизм. Попирание ее и топтание – это презрительные насмешки, которыми осмеивали хасидизм. Пришел Бубер... – это язык, которым он выразил хасидизм по-немецки.

9

Бубер не был первым. Еще в эпоху Просвещения, за сто лет до Бубера, нашелся верный чистосердечный человек по имени Яаков Шмуэль Бек[14], распознавший светоч хасидизма. Если вы хотите узнать о Беке, прочтите статью Элиэзера Меира Лифшица, опубликованную в альманахе «Хермон» за 1906 год и перепечатанную в его собрании сочинений издательства «Мосад рав Кук».

А после Бека был Элиэзер Цви Цвейфель[15], ученый муж энциклопедических знаний. А за ним – Михаэль Леви Родкинзон[16]. А за ним – Семен Дубнов[17]. А за ним – Шмуэль Аба Городецкий[18], но, возможно, Городецкий был прежде Дубнова. А за ними – Авраам Кахана[19] и р. Гиллель Цейтлин[20], Господь отомстит за кровь праведника.

10

Что же сделали эти мудрецы? Рабби Яаков Шмуэль Бек сделал великое дело. Он провозглашал достоинства хасидизма и не побоялся ни просветителей, ни религиозных противников хасидов. Рабби Элиэзер Цви Цвейфель написал книгу из четырех частей – «Шалом аль Исраэль» – антологию хасидских историй, выдержек из хасидских книг и прославлений хасидизма. И когда он писал ее? В поколении, когда слепота поразила людские очи, и они не видели света хасидизма. Из-за ненависти рационалистов к хасидизму, его обвинили в лицемерии и угодничестве. И еще есть у него заслуга, потому что ему принадлежит создание литературного стиля, называемого стилем Менделе Мойхер-Сфорима[21], как справедливо заметил в своих воспоминаниях Паперна [22].

Михаэль Леви Родкинзон был знатного происхождения. Сын дочери автора книги «Аводат Галеви»[23], ученика автора «Тании»[24]. Он издавал хасидские книги и служил старостой в доме учения рабби Исроэла Дова, цадика из Виледников[25], и писал хасидские истории. Если не ошибаюсь, книга «Адат

цадиким» им написана. Он составил две книги о хасидизме – «Толдот Бешт», жизнеописание основателя учения, и «Амудей хабад». Другие его деяния, к хасидизму не относящиеся и добродетелями не являющиеся, тут поминать не к чему. Эти книги, «Толдот баалей Шем Тов» и «Амудей хабад», представляют собой истории о чудесах и чудотворцах, но никак не научное исследование.

Исследованием хасидизма занимались Дубнов и Городецкий, Авраам Кахана и Гиллель Цейтлин. Дубнов собрал в своей книге известные и неизвестные материалы. Но узнать об учении и практике хасидизма из его книги нельзя, как не познал этого и сам автор из собранных им сведений.

Иное дело – труд Городецкого, ставший основополагающим в историографии хасидизма. Городецкий был потомком цадиков и вырос при дворах цадиков. Он рассказывает о том, что сам видел и слышал, и обильно цитирует хасидские сочинения. Только вот цитаты-то хороши и поучительны, да не всегда говорят о том, что подразумевает приводящий их Городецкий. Что ж касается его видения и слышания, тот, кто не имел возможности узнать о хасидах из другого источника, несомненно пополнит тут свои знания.

И иное дело – Авраам Кахана. Он взял хасидские предания и составил из них историческое сочинение. Да только предания не для истории нам дадены. Если бы Кахана умел изящно писать, досталась бы нам книга для чтения. А так, все им добавленное – незначительно, а все им переписанное не нуждалось в добавлениях.

У вклада Гиллеля Цейтлина свои достоинства. Цейтлин своей гибелью освятил Имя Всевышнего, а своей жизнью воплощал хасидизм. Оттого его книги проникнуты духом хасидизма, и хасиды читают их.

11

И на немецком языке у Бубера был предшественник. Таков рабби Аарон Маркус[26], еврей из Гамбурга, который родился и воспитывался в Германии и получил немецкое образование, а потом снял немецкий сюртук и облачился в одежды хасидов. И не только одеяние переменил он, но и самую душу. Помню, рассказывал мне Давид Фришман[27], что однажды случилось ему быть в книжной лавке Аарона Фауста в Кракове и застать там рабби Аарона Маркуса. Показал ему рабби Маркус портрет милого молодого немца и сказал: Это я в юности. Поглядел на него Фришман и сказал: Во многих сложностях мне довелось разобраться, но понять, откуда возник этот хасидский нос на вашем лице, боюсь, не смогу. И еще рассказали мне сыновья

рабби Аарона, что отец не позволил им учить нееврейские языки, чтобы они навсегда оставались хасидами, как прочие галицийские хасиды. Так вот, рабби Аарон Маркус написал по-немецки большую книгу о хасидизме и хасидах, свидетельства человека, много повидавшего при дворах хасидских раввинов, где ему приходилось проживать, и близко знавшего потомков великих цадиков, из уст которых он воспринял хасидизм. Книга эта дорога во многих отношениях, и не один собиратель хасидских историй обращался к ней как к источнику и поминал ее автора добром, величая принятыми у хасидов почетными прозваньями. Однако ненужные суждения и многословные отступления сильно убавляют достоинства сего труда.

Не стану писать о вкладе Шломо Залмана Шехтера[28] в изучение хасидизма, поскольку не держал в руках его книгу. И современников своих не стану касаться, написавших о хасидизме тома, а сразу перейду к сочинителям, сделавшим хасидизм предметом своего вымысла. Начну я с Ицхока Лейбуша Переца[29], потому что как раз Перец и положил начало подобному сочинительству.

12

Перец был великим художником и нарисовал прекрасные картины. Но очи его таланта не разглядели ни хасидов, ни хасидизма. Идеи, прорастающие из его прозы, и сами рассказы, обрамляющие эти идеи, не имеют ничего общего с миром хасидов и их учением. Хоть сам иди и ищи всюду, где обитали хасиды, начиная от Бешта и до сего дня, да собери всех хасидов из прошлого и настоящего и заставь их говорить, ни от одного не услышишь ничего даже отдаленно похожего на речи хасидов в хасидских рассказах Переца, вроде «Между двух гор» и других.

13

После Переца пришел Миха Йосеф Бердичевский[30] и тоже написал хасидские рассказы. А следом – Иеѓуда Штейнберг[31]. Помню Бердичевский опубликовал свой рассказ «Четыре праотца» (см. «Сифрей шаашуим», вып. 3, сборники, издававшиеся Ицхаком Фернхоффом в Бучаче) – о четырех цадиках, рабби Леви Ицхоке из Бердичева, рабби Исроэле из Ружина и рабби Рефоэле из Бершад, а вот кто четвертый – не упомню. Так после публикации издателю пришлось извиняться со страниц еженедельника «Ѓа-магид»[32] за то, что тем рассказом он причинил огорчение многим-многим евреям. Однажды нашли у меня в клойзе[33] сборник, где был напечатан тот рассказ, и сожгли его.

Коль скоро я коснулся хасидских историй, скажу о них следующее. Все, что сохранилось в первоисточнике, читай в первоисточнике, а литературное переложение выбрось. Все, что

не сохранилось в первоисточнике, если о нем рассказал поэт, суди его, как судишь об изящной словесности, а рассказал о нем просто писака – не стоит и прочтения. Когда сочинителю не удается создать рассказ, он приписывает его хасидам или вообще народу.

14

И ранние рассказы Бубера заслуживают критики. Дух времени и дух чуждого народа наложили на них свой отпечаток, но не витать этим духам под крыльями херувимов. Зато велика заслуга Бубера – автора кратких и прелестных хасидских историй, изданных им в более поздние годы. Они должны служить эталоном всякому, кто решил писать хасидские рассказики. Впрочем, все они идут по стопам Бубера, независимо от того, сознают они это или нет. Странная получается ситуация, у многих хасидизм в дому обретается, но пока не пришел Бубер, чем обладали – не ведали.

15

Рабби Симха Бунем (1765-1827) из Пшисхи рассказывал такую историю. (Она есть в «Тысяча и одной ночи», но источник ее гораздо более древний.) Рабби Айзик сын рабби Якельша нашел клад и построил роскошную синагогу[34]. Как же ему это удалось? Однажды ночью ему приснился сон, что в некотором месте за пределами города зарыто в земле сокровище. Когда тот же сон приснился ему снова и снова, он решил отправиться в то место и вырыть клад. Начал копать, а мимо идет прохожий. Спрашивает: Что ты делаешь тут в темном месте посреди ночи? Испугался рабби Айзик сын рабби Якельша, что иноверец заподозрит его в колдовстве, и рассказал все, как было. Но прохожий лишь высмеял простодушного еврея и сказал: Ну и простак ты! Снам веришь! Взять хоть меня – и я тоже сон видел, и сказали мне во сне, что если б я начал копать в печи Айзика сына Якельша, нашел бы там сокровище. Так неужто я теперь должен идти незнамо куда и лишаться ночного отдыха? Выслушал эти слова рабби Айзик сын рабби Якельша и вернулся домой. Покопался в печи и нашел там великое сокровище и отдал его на святое дело и построил роскошную синагогу, зовущуюся его именем.

16

На что похож сей рассказ? Да на тех, кто благодаря Буберу начали копать в своей печи. Жаль мне их. Жаль, что не удостоились того, что удалось Буберу.

Но вернусь к отбросам и жемчужине. Не всякому пришлось по душе, что Бубер вызволил жемчужину из мусорной кучи. Нашлись такие, что зажмурились и остались с закрытыми глазами, лишь

бы не видеть жемчужины, а другие сделали вид, что жемчужина по-прежнему скрыта сором и их дожидается.

О первых промолчу, о вторых скажу. Когда они склонились долу, чтобы поднять жемчужину, обнаружили одни отбросы, потому что Бубер опередил их. Из зависти, из глупости, а может, по безграничной наивности, они говорят: мы нашли ее, вот она – у нас в руках. Был один такой, что похвалялся мне, будто есть в его владении целые пачки хасидских историй, а поскольку он сам потомок хасидов, я и отправился к нему, так, на авось. И что ж я у него обнаружил? Варианты имен и варианты текстов, лучшие из которых были написаны в свое время Бубером, чудным буберовским стилем.

Если я позволил себе тут излишнее многословие, исключительно из назидания позволил. Как часто случается, читает человек что-нибудь хорошее и думает, ведь и я так могу. А примется за дело, и в подметки первому не годится.

Я уже сказал, что Бубер – отец всех, пишущих короткие хасидские истории, и сегодня, во времена хасидского просперити, их книгами полнятся многие книжные шкафы. Да только сердце ими не наполнишь.

17

Все, что Бубер написал до переезда в Страну Израиля, он написал по-немецки, и с немецкого языка его книги были переведены на все прочие языки. Кроме Эйнштейна, нет другого такого известного в мире великого еврея, как Бубер. Уж сколько раз доводилось мне слышать, как знаменитые иноверцы превозносили Бубера и говорили о нем с беспредельным восхищением. Благодаря Буберу, иные из них поняли, какой негасимый свет несет народ Израиля, а другие – что им следует по крупицам вычищать из собственной души антисемитизм, впитанный с молоком матери. Говоря о Буберe, как не вспомнить слова пророка (Йермияґу, 49:14): «Посол, к народам посланный».

18

Ради Мартина Бубера, изложившего по-немецки истории Бешта, я закончу свою статью одним из рассказов о Беште.

Зять Бешта был из немецких земель. Как-то раз он захотел съездить в страну Ашкеназ, то есть Германию, распластаться на могилах предков. Бешт ему сказал: Возьми с собой шофар. Взял он с собой шофар, но очень тому дивился, поскольку дело было в конце месяца нисана, Ашкеназ же не столь далекая страна, и до Новолетия оставалось более пяти месяцев. Отправился он в путь, и прибыл на место, и распластался на родных могилах. Возвращаясь, сбился с пути, и когда пришло время Новолетия, оказался в пустынном месте, вдали от городов и селений.

Огорчился он, что не дано ему помолиться в общине, и возрадовался, что может исполнить заповедь о шофаре. По прошествии времени вернулся к тестю своему, Бешту. Сказал ему Бешт: То место пустовало с шести дней Творения и не удостоилось слышать звук шофара. Если б ты туда не забрел и не протрубил бы там в шофар, уже теперь исчезло бы то место с лица земли.

Рассказ этот – притча, и говорит он по существу обсуждаемого нами предмета.

Газета «Га-арец», 7.02.1958.

История об одном деянии, или хасидская байка
К 85-летию Бубера

Много важных книг написано Мартином Бубером – о Писании, философии и прочих премудростях, но более всего – о хасидах и хасидизме. Славой и признанием овеяны хасидские истории, вышедшие из-под его пера, и обрели известность на многих языках. Расскажу-ка я историю о Бубере и хасидизме.

В годы великой войны я проживал в Лейпциге. Кое-что из того, что я тогда пережил, описано в моей повести «Вот пока и все» ("Ad Hena"). Жил я среди братьев наших, выходцев из Галиции, Польши и Литвы, в их синагогах молился и с ними общался, а особенно с раввином рабби Довидом Фельдманом, благословенной памяти праведником, который в те дни был председателем раввинского суда в общине богомольных. И каждый день, до полудня, прежде чем идти разбирать всевозможные тяжбы, число которых умножилось вследствие войны, сидел рабби Довид со мною над листом Талмуда.

Однажды пришел я к нему и не застал хозяина. Где ж он? Пошел к доктору Гольдману. Четыре раввина управляли тогда в Лейпциге, доктор Феликс Гольдман и доктор Карлебах возглавляли городские общины, а раввин рабби Довид Фельдман был раввином общины богобоязненных, и еще один раввин был там, поскольку галицийские богатеи искали для себя особого почета и устроили себе отдельную синагогу, и назвали ее Гинденбургской[35], и взяли себе раввина в дополнение к прочим раввинам, чтобы наставлял их в Торе и заповедях и во всем, что им надобно, кроме связей с властями, каковые связи уже находились в руках местных зажиточных домовладельцев.

Покойный доктор Феликс Гольдман не был знатоком Торы. И сионистом тоже не был. Но его любовь к евреям была столь сильна, что следовало бы позавидовать ей всем праведникам того поколения. (Его вспоминает рав доктор И.Д. Вильгельм из Стокгольма в книге, посвященной юбилею Зигфрида Мозеса).

Пока я дожидался хозяина, пришла женщина с тремя дочерьми, а с ними – хасид, которого я уже неоднократно встречал на трапезах, что устраиваются на исходе субботы, и за прочими дружескими застольями. Поначалу он был хасидом ребе из Шинова, а когда тот цадик умер, перешел к ребе из Беложева. При каждой нашей встрече он рассказывал мне что-нибудь из

хасидской жизни. Но в тот день он сидел молча, теребил свою бороду, прикусывал ее зубами и молчал. Что приключилось с ним? А приговорили его к выселению, его, и жену, и трех дочек, и не было им, куда идти.

Здесь не место вспоминать беды и невзгоды наших братьев, которых из-за войны согнали с насиженных мест, где живали еще их отцы и деды, и деды их отцов, и вынудили скитаться, не имея крова над головой, а когда находили место для ночлега, являлась полиция и изгоняла их снова. Так и та семья. Свой дом в Западной Галиции они бросили, спасаясь от фронта, и долго шли вдоль дорог, пока не очутились в Вене, а потом в Венгрии, а потом еще в ряде мест и добрались наконец до Лейпцига, потому что надеялись на помощь проживавших в Лейпциге родичей, только родичи тем временем покинули Лейпциг и ушли из города. Я не знаю, чем кормился тот хасид и чем кормил своих домочадцев, но сложность была не в пропитании, а в том, чтобы не выбили у них из-под ног землю, на которой обрели они шаткий покой.

Раввин рабби Довид вернулся расстроенным и печальным. По всему видно было, что ходатайство ему не удалось. Доктор Гольдман всяко старался помочь и отвратить беду, но ничего сделать не смог. Не из антисемитизма и не из особой нелюбви к галичанам присудили ту семью к выселению, а из-за нехватки продовольствия в городе. Коли Лейпциг с трудом обеспечивает продовольствием своих постоянных жителей, было бы несправедливо вырвать у них изо рта кусок и отдать пришельцу. Оттого отцы города постановили ограничить право жительства и тех, кто поселился тут без разрешения, изгонять силами полиции. Таково положение дел, и изменить ничего нельзя.

В тот день мне привелось беседовать с доктором Гольдманом. Я слышал, что он написал кое-что интересное о моих рассказах, а к написанному добавлял на словах. Я хотел отплатить ему той же монетой и сказал: Известно мне, что Ваша любовь к евреям не ограничивается только чтением их произведений, но, как мне сказывал рабби Фельдман и другие, Вы готовы душу за них положить. Доктор Гольдман ответил: Как видно, душа моя в ходатайствах не высоко ценится, ведь даже одной семье я не сумел помочь.

Сказал я ему: Уж не о том ли хасиде и жене его ведете вы речь, которых собираются выселить из Лейпцига? Ответил мне доктор Гольдман: Вы не найдете влиятельного человека в городе, к которому я б не обращался, и все напрасно. Есть правда еще один важный полицейский чин, который мог бы помочь, но как-то так вышло, что я с ним не знаком. Его тут недолюбливают и даже

поносят, а отчего? Оттого, что взяток не берет. Он человек образованный, доктор юриспруденции или философии. Но сколько б я ни пытался, не могу с ним знакомство свесть.

Имя того неугодного обществу немца мне запомнилось, а Тот, Кто управляет причинами и следствиями, устроил так, что несколько дней спустя мне довелось беседовать с этим человеком.

Как это произошло? А вот как. Один богатый еврей из моих знакомцев выдавал дочь замуж и устраивал по этому случаю пиршество. Он и меня позвал на торжество, и там я встретил обоих раввинов, раввина большей общины доктора Гольдмана и раввина богобоязненных рабби Довида Фельдмана, которых пригласили совершить обряд бракосочетания.

Перед бракосочетанием рав Гольдман спросил рава Фельдмана: Как мы распределим роли в совершении обряда? Отвечал ему рав Фельдман: Ведь доктор Гольдман знает, что мы не признаем браков, заключенных вами. – Что ж, ответил ему рав Гольдман с приязнью, если так, вы совершайте обряд, а я произнесу проповедь. И рав Фельдман с радостью принял предложение.

Доктор Гольдман произнес чудесную речь, и она произвела сильное впечатление на собравшихся. А среди гостей оказался высокий полицейский чин города Лейпцига, тот самый человек, от которого зависела судьба хасида и его семьи и с которым у доктора Гольдмана никак не находилось повода для знакомства. Сейчас, после речи, тот чиновник подошел к доктору Гольдману и с радостью и почтением пожал ему руку.

За трапезой обоих раввинов усадили во главе стола, а по правую руку от доктора Гольдмана посадили высокого гостя, начальника лейпцигской полиции. И мне тоже место среди гостей выделили.

Беседуя с шефом полиции, доктор Гольдман указал на меня и сказал: Этот господин лучше меня разбирается в данном вопросе, у него вы можете найти совершенно точный ответ. Освободили тут для меня новое место и усадили теперь рядом с начальником. Не описать, как я огорчился этой непрошенной почестью. Однако я ответил на все его вопросы и еще добавил сверх спрошенного. Так за разговором мы подошли к судьбе галицийских евреев, которых Отец их Небесный лишил отчего дома, так что они оказались на чужбине, где отцы города не дают им приюта. А евреи эти – люди благочестивые, набожные, и вся их забота лишь об изучении Учения и исполнении Вышнего волеизъявления, но теперь эти хасиды обречены на скитальчество, и земля горит у них под ногами.

Тут, желая пояснить, кто такие хасиды, я припомнил книги

Бубера о хасидизме. Я сказал полицейскому начальнику: Может, попадались вам книги Мартина Бубера о хасидизме? Ответил начальник: Я – большой поклонник Бубера, и его хасидские истории произвели на меня глубочайшее впечатление.

Спустя три дня, в часы моих занятий с равом Фельдманом, благословенной памяти праведником, позвали раввина рабби Довида к телефону. Когда он вернулся, лицо его сияло радостью – он только что узнал от доктора Гольдмана, что тому хасиду, его жене и трем их дочерям дано право жительства в Лейпциге.

Спросил я у рабби Довида Фельдмана: Знает ли раввин, чья это заслуга?

Он засмеялся и сказал по-арамейски: Так ведь он благочестив.

Я же сказал: И каким же образом помогло ему, что хасид он, иначе говоря, благочестив? Нет, все дело в книгах Мартина Бубера!

Засмеялся рабби Довид и сказал: Выходит, благодаря хасидским байкам?

Я же сказал: Да, но только тем, которые Бубером написаны.

Он ответил: И все-таки трудно понять – ну какое дело полицмейстеру до хасидских историй?

Я же сказал: И вовсе не трудно. Тот немецкий начальник привык читать хорошие книги, а поскольку Бубер – прекрасный писатель и хорошие книги написал о хасидах, прочел полицейский начальник книги Бубера, и благодаря им по воле Небес судьба одной еврейской семьи устроилась к лучшему.

Спросил раввин: А что, разве он верит всем этим хасидским историям?

Я же сказал: Ясно одно – свершилось чудо, а средством его свершения послужили буберовские хасидские рассказики, и против этого не возразишь.

Газета «Га-арец», 8.2.1963.

Опубликовано в кн.: М. Бубер. Хасидские истории: Поздние учителя.

М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2009. С. 299-321.

notes

Примечания

1

Хаим Вейцман (1874, Мотоль, Гродненская губ. – 1952, Реховот), первый президент Государства Израиль, президент Сионистской организации, химик.

2

Бертольд Файвел (1875-1937), немецко-еврейский публицист. Помимо упомянутой брошюры, автор очерка о Кишиневском погроме 1903 г.

З

Кальман Шульман (1819, Старый Быхов, Могилевская губ. – 1899, Вильна), ивритский писатель и переводчик, сторонник просветительства среди евреев.

4

Шломо Шиллер (1870?, Михайловка, близ Белостока – 1925, Иерусалим), публицист, сионистский деятель, директор ивритской гимназии в Иерусалиме (с 1912), писал по-польски и на иврите.

5

Рабби Биньямин (псевдоним Иегошуа Радлера-Фельдмана1880, Зборов, Галиция – 1957, Иерусалим), журналист, эссеист и общественный деятель; писал в основном на иврите. Активный член религиозно-сионистской партии Мизрахи.

6

Яаков Йоханан Тахон (1880, Львов – 1950, Иерусалим), сионистский общественный деятель.

7

«Двир», ивритское книгоиздательство, первоначально – собственность ивритского поэта Хаима Нахмана Бялика (1873, Рады, близ Житомира – 1934, Вена; похоронен в Тель-Авиве).

8

Ахад Гаам (псевдоним Ушера Гинцберга, 1856, Сквира, Малороссия – 1927, Тель-Авив), еврейский писатель-публицист и философ. Писал на иврите.

9

Декларация о доброжелательном отношении Великобритании к сионистским стремлениям евреев, была написана Артуром Джеймсом Бальфуром, британским министром иностранных дел, 2.11.1917.

10

Моше Йосеф Гликсон (1878, Голинка, Польша – 1939, Тель-Авив), сионистский общественный и культурный деятель, мыслитель, первый редактор газеты «Га-арец», исследователь истории культуры. Доктор философии от университета Франкфута.

11

Макс Нордау (псевдоним Симхи Меира [Симона Максимилиана] Зюдфельда, 1849, Будапешт – 1923, Париж), немецко-еврейский философ, писатель, публицист и общественный деятель, один из основателей Сионистской организации.

12

Франц Розенцвейг 1886, Кассель – 1929, Франкфурт-на-Майне), немецко-еврейский философ. Главный философский труд – «Звезда спасения» (1921). Совместно с Бубером переводил еврейскую Библию (успел лишь до книги Исайи; 1925). После его смерти Бубер завершил перевод в Израиле.

13

Древнегреческий перевод всех книг еврейского канона Библии с добавлением ряда апокрифов; по преданию, выполнен в III в. до н. э.

14

Яаков Шмуэль Бек (1841, Словакия – 1899, Прага), раввин, опубликовал по-немецки книги по истории еврейства и его духовной литературы, а также несколько книг на иврите, в т. ч. сборник стихов.

15

Элиэзер Цви Цвейфель (1815, Могилев, Белоруссия – 1888, Глухов, Малороссия), еврейский писатель и публицист. Писал преимущественно на иврите. В 1853–1873 преподавал Талмуд в раввинском училище в Житомире. Автор истории хасидизма в 4 тт. «Шалом ал Исраэль» («Мир Израилю», 1868–73), в прозе – родоначальник стиля, совмещающего библейский и талмудический иврит.

16

Михаэль Леви Родкинзон (1845, Дубровна, Могилевской губ. – 1904, Нью-Йорк), автор книг «Толдот баалей Шем Тов» (4 тт., т. 4 – «Амудей хабад», Кенигсберг, 1876), «Адат цадиким» (Лемберг, 1897). В Нью-Йорке (с 1899) переводил Талмуд на английский язык.

17

Семен Маркович Дубнов (1860, Мстиславль, Могилевская губерния, – 1941, Рига), еврейский историк, публицист и общественный деятель, автор «Всемирной истории еврейского народа» (10 тт. на иврите), «Истории хасидизма» (Тель-Авив, 1930–31, иврит).

18

Шмуэль Аба Городецкий (1871, Малин, Киевская губ. – 1957, Тель-Авив), историк еврейского мистицизма и хасидизма. Его труд «Хасиды и хасидизм» печатается в журнале «Лехаим» начиная с марта 2008 года.

19

Авраам Кахана (1874, Скомороха, близ Житомира – 1946, Тель-Авив), исследователь и комментатор еврейского литературного наследия – Танаха, апокрифов и псевдоэпиграфов, автор ряда книг, в т.ч. «Рабби Исраэль Бааль Шем Тов» (Житомир, 1901).

20

Гиллель Цейтлин (1871, Корма, Могилевская губ. – 1942, на пути в Треблинку), религиозный писатель, поэт, философ и публицист. Писал на иврите и идише. Автор ряда книг о хасидских лидерах и хасидизме.

21

Менделе Мойхер-Сфорим (псевдоним Шолома Якова Абрамовича, 1835?, Копыль, Минской губ. – 1917, Одесса), писатель, основоположник новой идишской литературы.

22

Авраам Яаков Паперна (1840, Копыль, Минской губ. – 1919, Одесса), первый на иврите литературный критик. В русском варианте его мемуаров «Из николаевской эпохи» (в кн.: В. Кельнер. Евреи в России, XIX век. М.: НЛО, 2000) Цвейфель не упомянут.

23

Элиэзер Галеви.

24

Шнеур Залман из Ляд (1745, Лиозно, Польша, ныне Беларусь, – 1812/1813, похоронен в городе Гадяч, Полтавской губернии, ныне Украина), раввин, основатель движения и учения хабад.

25

Цадик Исроэл Дов-Бер из Виледников (1789-1850), ученик цадика из Чернобыля.

26

Аарон Маркус, торговец, немецко-еврейский писатель, исследователь, публицист. Жил в г. Подгорцы, близ Лемберга. В дневнике Т.Б З. Герцля есть запись о том, что хасид Маркус обещал ему поддержку галицийских хасидов в деле сионизма.

27

Давид Фришман (1859?, Згреж, предместье Лодзи – 1922, Берлин), писатель, критик, переводчик. Писал на иврите и на идише.

28

Шломо Шехтер (Шнеур Залман; 1847, Фокшани, ныне Румыния – 1915, Нью-Йорк), ориенталист-гебраист, исследователь талмудической и раввинистической литературы, теолог, деятель консервативного иудаизма в США. По рождению – хабадник.

29

Ицхок Лейбуш Перец (1852, Замостье, Люблинская губ. – 1915, Варшава), поэт и прозаик, один из основоположников новой литературы на идише, в т.ч. автор серии рассказов о хасидах в духе неоромантизма. Писал также на иврите.

30

Миха Йосеф Бердичевский (1865, Меджибож, Подольская губ. – 1921, Берлин), еврейский писатель и мыслитель, один из основоположников светской еврейской культуры на иврите. Потомок хасидских раввинов, резко порвавший со своим окружением.

31

Иегуда Штейнберг (1863, Липканы, Бессарабия – 1908, Одесса), еврейский писатель на иврите. Особой популярностью пользовались сборники его рассказов из хасидской жизни (Одесса, 1904).

32

Этого выпуска «Га-магида» сейчас нет у меня, и я передаю смысл сказанного там своими словами. (*Прим. автора.*)

33

Клойз – синагога.

34

В Кракове, XVIII век.

35

Гинденбург, Пауль фон (1847—1934) — немецкий военачальник (с 1914) и президент (с 1924) Германии